

И.Г. Вьюшкова

Ишимский государственный педагогический институт

Онейропозитика поэзии и прозы Я.П. Полонского

Аннотация: Раскрываются основные особенности онейропозитики поэзии и прозы Я.П. Полонского на основе фронтального анализа мотивного комплекса сна в произведениях разных жанров и проблематики; отмечается универсальный характер мотивного комплекса сна и его трансформация в ценностно-аксиологическом плане в творчестве Я.П. Полонского.

The basic features of of poetics of a dream of Y.P. Polonsky's poetry and prose on the basis of the analysis of a complex of motives of a dream in various products of the author reveal. Character of a complex of motives of a dream and its transformation in Y.P. Polonsky's creativity is marked universal.

Ключевые слова: анализ, аналитизм, картина мира, лирический герой, литературная традиция, метафора, мотивный комплекс, персонаж, Я.П. Полонский, поэзия, проза, сон, сравнение, стихотворение, сюжет, творчество.

Analysis, analytism, picture of the world, the lyrical hero, literary tradition, a metaphor, complex of motives, the character, Y.P. Polonsky, poetry, prose, a dream, comparison, a poem, a plot, creativity.

УДК: 821.161.1

Контактная информация: Ишим, ул. Ленина, 1, ИГПИ, филологический факультет. Тел. (34551) 51373. E-mail: wjuschkowa@rambler.ru.

Тема сна является важной составляющей в поэзии и прозе Я.П. Полонского. Из многих значимых мотивов, которым художник сохраняет верность в течение жизни, мотив сна выступает наиболее частотным, встречаясь в 178 (из 394) стихотворных и в 31 (из 33) прозаическом произведениях. Тем более удивительным представляется то, что как критики XIX в., так и литературоведы XX в., явно недооценив этот факт, ограничивались либо упоминаниями о поэтических сновидческих сюжетах Полонского в ряду прочих его «фантазий» [Добролюбов, 1859; Волынский, 1896; Лагунов, 1972; Орлов, 1956], либо попутно обращаясь к мотивике сна при анализе отдельных стихотворений [Николина, 2004], либо вписывая интерес Полонского к этой тематике в интересующий исследователя проблемный контекст (например, мифопоэтический [Козубовская, 1995]). Это касается поэзии Полонского; вопрос об онейропозитике его прозы вообще не ставился.

Предпринятый нами фронтальный проблемный анализ творчества Полонского обнаружил устойчивый интерес писателя к мотивному комплексу сна (репрезентированного рядом лексем, отражающих сновидческую тематику: *сон, полусон, спать; дрема; греза; сновидение; мнится, мерещится, чудится; бред; не-сон*, т.е. лексемы *не спать, бессонный, разбудить* и т.д., с сильным преобладанием первой группы) на протяжении всего творческого пути, при некоторой активизации его в 1875–80-е гг. И в поэзии, и в прозе Полонский включает мотив сна в произведения самых разных жанров и проблематики. Вместе с тем, собственная семантика этого мотивного комплекса обнаруживает определенные различия в условиях каждой из этих разновидностей литературного творчества.

В поэзии наиболее распространенным случаем (150 стихотворений) является использование мотива сна в качестве образной детали. Чаще всего в этом случае сон как предикат соотносится либо с персонажем или лирическим героем, либо с вещным миром (прежде всего, природой). Формой его репрезентации выступает либо прямое слово, либо сравнение или метафора. Среди последних почти нет оригинальных: Полонский предпочитает использовать стертые, клишированные метафоры («сон чувств», «сон души», «сон-смерть»), – при этом нередко обыгрывая их в контексте стихотворений. Статистика свидетельствует о полифункциональном употреблении художником мотива сна как детали в поэтических произведениях. Его функции могут быть и экспрессивными, и идеологически-содержательными, и фабульными; но во всех рассмотренных случаях сюжетобразующая роль мотива сводится к построению части (фрагмента) сюжета, либо его составляющей. Ценностная окраска мотива сна здесь – преимущественно позитивная, светлая. Сон способен восстанавливать силы человека, естественную гармонию мира; он знак живой жизни. Особенно выразительной оказывается онейропоэтика пейзажной лирики Полонского, в пределах которой появляются характерные для Полонского-поэта оксюморонные образы ночной, спящей, но полного внутреннего напряжения и динамики природы («сонных листьев колыбель» и пр.). При этом, однако, герой Полонского, в отличие от лермонтовской традиции («...отдохнешь и ты»), как правило, лишен надежды на будущий отдых в единении с природой.

В 28 стихотворениях, где мотив сна использован как основа сюжета всего произведения, сон становится активным фактором формирования особой реальности в масштабах этого произведения. Особенно активно Полонский создавал подобного рода стихотворения в период Закавказья (с 1845 по 1850 год) и в петербургский период (с 1875 по 1880 гг.). Мотив сна, разрастаясь в сюжет, включается в текст либо как вставная конструкция (сон-воспоминание) («Царь-Девушка» и др.), либо другими путями (как развернутая метафора «сон-смерть»: «Смерть малютки»), диалог с приснившимися персонажами («Тени и сны» и т.д.). Явь и сон оказываются контрастными, но одновременно взаимопроникаемыми. Использование онейропоэтики помогает Полонскому показать героя рефлектирующим, а мир – сложным и многогранным. Сон – это возможность для героя заново прожить лучшие минуты жизни, чаще всего связанные с детством, юностью; сновидения обычно коррелируют с идеальным состоянием бытия. Однако при этом в сновидческих сюжетах постепенно усиливается момент драматизации, особенно при обращении к прогностическим сюжетам: герой все чаще оказывается в тревожном неведении о будущем («Колокольчик», «Качка в бурю»).

В цикле «Сны» (1860) эта тенденция достигает максимума: цикловой сюжет оставляет гнетущее впечатление неоднозначности мира и человеческого сознания, ищущего выход из одиночества. Сновидения формируют особое пространство медитации лирического героя, находящегося в пограничной ситуации. Он болезненно ощущает разделенность сна – и яви, внутреннего пространства (комнаты) – и внешнего (заоконного) мира, света – и тьмы. В сновидческих сюжетах герой ищет свободы – и одновременно избавления от одиночества. В системе цикла сны не объясняют мир (как в традиционных онейропоэтических моделях), но, напротив, внушают впечатление о его необъяснимости.

Таким образом, уже в поэзии семантика сна, в целом наследуя идеалистически-романтические коннотации, осложняется и становится средством драматизации мироощущения героя. Эта тенденция усилена в прозе.

Сон – важная составляющая жизни героев в рассказах, повестях и романах Полонского. Многообразен контингент спящих, их возрастной диапазон и социальный статус; место и обстоятельства сна, его качество; стадии; включенность в различные сюжетные ситуации; степень достоверности сна и т.д. При этом, если в поэзии мотив сна в тексте, как правило, единичен, то в прозе часты «сетки» сно-

видческих мотивов в одном произведении; при этом характерна разносубъектная принадлежность снов в пределах одного сюжета; если сон в сюжетообразующей функции в поэзии организует обычно все произведение, то в прозе – лишь его часть. Появляются невозможные в поэзии стилистические синонимы лексемы «спать» («дрыхнуть», «почивать», «в объятиях Морфея» и др.) (их немного).

Вводя сновидческую мотивику в прозу, Полонский экспериментирует, опираясь на различные традиции прозы; в ранний (кавказский) период – прежде всего связанной с бытописанием, очерковостью в духе «натуральной школы» («Дели-баштала», «Квартира в татарском квартале», «Тифлиссские сакли»).

В 1850–1860-х гг. важнейшим качеством прозы Полонского становится психологизм, связанный с интересом к внутреннему миру ребенка или подростка. Переключаясь с исканиями раннего Л.Н. Толстого, в разработке онейропоэтики писатель здесь, однако, более самостоятелен, чем в «кавказских» рассказах. Мотив сна помогает формировать образ героя-мечтателя. Полонскому, с его позитивистски-просветительскими установками, близок аналитизм, который он часто доводит до крайности, переключая «разъяснительную» функцию на повествователя – особенно в том, что касается подсознания. Писатель последовательно использует такие специфические особенности прозы, как систему повествования и фабульность (оставляя открытыми финалы, сосредоточиваясь на процессе и его анализе; либо ведя повествование с введением точки зрения героя («Статуя Весны»), либо – непосредственно от его лица («Груня», «Дом в деревне»). В итоге эти рассказы превращаются в экспериментально-аналитические психологические этюды. Мотив сна формирует важный элемент художественного мира этой прозы с ее интересом к внутренней, иррациональной, открытой «в тайну» психологической жизни человека. Принципиальная особенность художественной реальности, в отличие от поэзии – ее многосубъектная структура. Хотя во всех рассказах трилогии сон подан пока как явление субъективное, здесь уже появляются проявления «разноречия» (термин М.М. Бахтина) в его осмыслении и интерпретации персонажами. В дальнейшем прозаическом творчестве Полонского именно эта тенденция в развитии онейропоэтики станет ведущей.

Наиболее последовательно это происходит в романном жанре – «Признания Сергея Чалыгина» (1867). Ставя в центр романного мира процесс взросления героя, им же и описанный, Полонский в романе синтезировал и развил то, что им было апробировано в прозе 1850-х годов. Система повествования помогает передать субъективность мировидения героя. Фабульность, определяющаяся хроникальным принципом, семантизирована (как и в прозе Полонского 1840–1860-х гг.) в открытом финале романа, чем подчеркивается первостепенный интерес к процессу становления и развития личности ребенка, а не конечному итогу. Важнейшим предметом внимания в этой области остается для Полонского сфера бессознательного, репрезентированная средствами онейропоэтики. Особую роль обретает ранее едва апробированная форма снов-«обманок», появляющихся в романе в двух случаях: когда взрослые хотят отвести внимание ребенка от каких-то событий, что-то скрыть; или тогда, когда мальчик, проявляя любопытство, сам пытается что-то узнать, притворяясь спящим. От тривиальной ситуации обмана сны эти отличаются тем, что герой, как правило, оказывается готов поверить в то, что такой сон имел место в действительности. Так продолжается разработка представления о сне как феномене неоднозначном и до конца не поддающемся рассудочному осмыслению. В художественном мире романа этот прием демонстрирует разобщенность героев, имеющих разный взгляд на жизнь и тяготеющих к различным интерпретациям внешних событий. Взрослые используют ситуацию сна для навязывания своих версий; для ребенка мир проблематизируется через постижение многосубъектности человеческого бытия. Сон маркирует загадочную, проблемную сторону окружающего героя мира; при этом, Полонский, оставаясь вер-

ным сложившейся традиционной модели реалистического автобиографического романа, не затрагивает мистическую сторону сновидческой проблематики.

Мистического начала лишена и проза последнего периода творчества Полонского, когда, в период с 1870-х по 1890-е гг., писатель фокусирует внимание на сфере подсознания героев, на их психике («На высотах спиритизма» (1877), «Галлюцинат» (1883), «Психопатка» (1892)). Рассматривая вопрос о роли и об участии сна в психических процессах человеческого организма, писатель сохраняет аналитический взгляд как на окружающий (внешний) мир, так и на внутренний (субъективный) мир героев. В каждом из произведений есть человек с явными отклонениями от нормальной психической организации: Давид Долгоглазов («На высотах спиритизма»), Трубин («Галлюцинат»), Александра Иволгина («Психопатка»). Стремясь выяснить характер и природу этих отклонений, квалифицировать их, включив в общую картину мира, Полонский не дает однозначной оценки этих явлений. В результате развития сюжета и аналитического всматривания в проблему общая картина в финале каждый раз представляется более запутанной и неоднозначной, чем в начале. Психические аномалии не противопоставляются нормальному течению жизни, но врастают в него, обнаруживая ненормальность самой этой жизни. При обрисовке аномальной картины мира Полонский использует специальную поэтику, характерными приемами которой являются: «рваная» фабула; множественность точек зрения; система типологически родственных – при внешних различиях – персонажей. При выявлении маргинальных особенностей психических «отклонений» особенно эффективным оказывается включение мотивики сна. Сон используется преимущественно как посредник между реальным и воображаемым, рождая ощущение отсутствия целостности общей картины мира. Онейросфера расширяется: сон предстает зоной и механизмом контакта реальной действительности с ирреальной (магнетический сон, психоз и пр.). Сновидческая сфера не поддается однозначной оценке – как и весь окружающий человека мир. Он может получать рациональное объяснение, но в системе межличностных отношений, в соположении субъективного миропонимания окончательность в его осмыслении невозможна. Тем самым проблематизируется само рационально-позитивистское мировидение как таковое – что было характерной особенностью общественного сознания конца XIX в. Полонский выступает художником, не просто чрезвычайно чутким к своему времени, но и стремящимся к самостоятельному творческому освоению проблем своего времени.

Таким образом, мотивный комплекс сна является универсалией всего литературного творчества Полонского, которая, однако, трансформируется в ценностно-аксиологическом плане. Если в поэзии он преимущественно (и изначально) маркирует идеально-гармоничный мир, то при усилении его сюжетной роли, появлении других персонажей, рассуждений, вопросов о будущем – сон драматизируется. В прозе (и чем дальше, тем больше) сон разъединяет людей, разрушая контакты между ними. В художественной реальности произведений он определяет отношения человека с миром и человека с человеком, – выступая важной константой этих отношений. В историко-литературном плане онейропоэтика Полонского служит соединяющим звеном между романтизмом и символизмом, бытописанием – и философией, естественно-научным подходом и фантастикой (чуждой поэтике абсурда). Синтезируя, соединяя в своем творчестве опыт онейропоэтики литературы классического периода, Полонский одновременно предвосхищает особенности сновидческих сюжетов литературы XX – XXI вв., как модернистской, так и реалистической.

Литература

Волынский А.Л. Литературные заметки (...Фантазия в поэтическом творчестве Полонского. – Публицистические отголоски в некоторых его стихотворениях) // Северный вестник. 1896. № 8. С. 271–276.

Добролюбов Н.А. Стихотворения Я.П. Полонского. Дополнение к стихотворениям, изданным в 1855 г. СПб, 1859; Рассказы Я.П. Полонского. СПб., 1859 // Добролюбов Н.А. Полн. собр. соч.: В 9 т. М., 1962. Т. 2. С. 548–558.

Козубовская Г.П. Проблема мифологизма в русской поэзии конца XIX – начала XX веков. Самара; Барнаул, 1995. С. 22–37.

Лагунов А.И. Лирика Якова Полонского. Ставрополь, 1974.

Николина Н.А. «Колокольчик» Я.П. Полонского: жанр и структура текста // Русский язык в школе. 2004. № 6. С. 54–59.

Орлов В.Н. Полонский // История русской литературы: В X т. Т. VIII. Ч. 2: Литература шестидесятых годов. М.; Л., 1956. С. 261–283.